

В.Д. НАРОЖНАЯ¹, Н.К. МЕЙИРБЕК²✉, Л.С. КАНАЕВА³

¹доктор филологических наук, доцент

Южно-Казахстанский государственный педагогический университет
(Казахстан, г. Шымкент), e-mail: vdn_ru@mail.ru

²PhD докторант Южно-Казахстанского государственного педагогического университета
(Казахстан, г. Шымкент), e-mail: nur_meurbek@mail.ru

³преподаватель Южно-Казахстанского государственного педагогического университета
(Казахстан, г. Шымкент), e-mail: kanaeva_80@mail.ru

НЕВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Аннотация. Статья представляет собой описание стилистической функции разнообразных средств невербальной коммуникации в художественных текстах. Авторы объективируют мысль о том, что взаимопонимание представителей различных этносов предусматривает как освоение языков, так и осознание культурных национальных кодов, информирующих о носителях языка и об имеющихся особых способах межкультурной коммуникации. Научная и практическая значимость исследования заключается в том, что выявление национально-культурных стереотипов менталитета этносов в современном глобализованном пространстве является социально-политическим, экономическим, психологическим и историческим факторами в формировании нации как языковой общности. Методология исследования основана на сопоставительном анализе казахских, русских неязыковых форм общения, выявлении полных, частичных эквивалентов в сравниваемых языках и анализе безэквивалентных жестов, мимики, знаков невербального общения.

Ценность проведенного исследования определяется пониманием того, что невербальные формы общения фиксируют и отражают социальный и культурный опыт лингвокультурной общности, находят свое отражение как в универсальной, общей для всего человечества, так и в уникальной, национально-культурной, картине мира, характеризуют общее и периферийное ядро, отражающее национально-культурную специфику казахского, и русского философского миропонимания и мировоззрения и показывающее уникальное восприятие окружающей действительности. Практическое значение итогов работы определяется возможностью введения данного материала в преподавание дисциплин послевузовского образования (магистратура и докторантура), которые связаны с когнитивными, межкультурными, лингвокультурологическими аспектами изучения языка: «Этнолингвокультурология», «Русский язык и межкультурная коммуникация», «Теория и практика межкультурной коммуникации».

***Цитируйте нас правильно:**

Нарожная В.Д., Мейирбек Н.К., Канаева Л.С. Невербальная коммуникация как показатель культурно-национальной специфики художественного текста // *Ясауи университетінің хабаршысы*. – 2023. – №1 (127). – В. 288–302. <https://doi.org/10.47526/2023-1/2664-0686.24>

***Cite us correctly:**

Narajnaia V.D., Meirbek N.K., Kanaeva L.S. Non-verbal communication as an indicator of the cultural and national specificity of a literary text [Non-verbal Communication as an Indicator of the Cultural and National Specificity of a Literary Text] // *Iasauı universitetinın habarshysy*. – 2023. – №1 (127). – В. 288–302. <https://doi.org/10.47526/2023-1/2664-0686.24>

Ключевые слова: жесты, мимика, невербальное общение, национально-культурный код, традиции, обряды.

В.Д. Нарожная¹, Н.Қ. Мейірбек², Л.С. Канаева³

¹филология ғылымдарының докторы, доцент

Оңтүстік Қазақстан мемлекеттік педагогикалық университеті

(Қазақстан, Шымкент қ.), e-mail: vdn_ru@mail.ru

²Оңтүстік Қазақстан мемлекеттік педагогикалық университетінің PhD докторанты

(Қазақстан, Шымкент қ.), e-mail: nur_meyrbek@mail.ru

³Оңтүстік Қазақстан мемлекеттік педагогикалық университетінің оқытушысы

(Қазақстан, Шымкент қ.), e-mail: kanayeva_80@mail.ru

Бейвербалды қарым-қатынас көркем мәтіннің мәдени және ұлттық ерекшелігінің көрсеткіші ретінде

Аңдатпа. Мақала көркем мәтіндердегі бейвербалды қарым-қатынастың әртүрлі құралдарының стилистикалық функциясының сипаттамасы болып табылады. Авторлар әртүрлі этностар өкілдерінің өзара түсіністігі тілдерді игеруді де, ана тілінде сөйлейтіндер туралы және мәдениетаралық қарым-қатынастың ерекше тәсілдері туралы хабардар ететін мәдени ұлттық кодтар туралы хабардар етуді де қарастырады деген идеяны алға тартады. Зерттеудің ғылыми және практикалық маңыздылығы қазіргі жаһанданған кеңістіктегі этностар менталитетінің ұлттық-мәдени стереотиптерін анықтаудың ұлттың тілдік қауымдастық ретінде қалыптасуындағы әлеуметтік-саяси, экономикалық, психологиялық және тарихи факторлар болып табылады. Зерттеу әдістемесі қазақ, орыс және тілдік емес қарым-қатынас формаларын салыстырмалы талдауға, салыстырылатын тілдердегі толық, ішінара эквиваленттерді анықтауға және баламасыз қимылдарды, ым-ишараны, бейвербалды қарым-қатынас белгілерін талдауға негізделген.

Жүргізілген зерттеудің құндылығы қарым-қатынастың бейвербалды формалары лингвомәдени қауымдастықтың әлеуметтік және мәдени тәжірибесін тіркейтін және көрсететінін, бүкіл адамзат үшін жалпыға ортақ, сондай-ақ әлемнің бірегей, ұлттық-мәдени бейнесінде көрініс табатынын, қазақ және орыс тілдерінің ұлттық-мәдени ерекшеліктерін көрсететін ортақ және перифериялық өзекті сипаттайтынын түсінумен айқындалып, философиялық дүниетаным мен қоршаған шындықты ерекше қабылдауды көрсетеді. Жұмыс қорытындыларының практикалық маңыздылығы осы материалды жоғары оқу орнынан кейінгі білім беру пәндеріне (магистратура және докторантура) оқытуға енгізу мүмкіндігімен анықталады, олар тілді оқытудың когнитивті, мәдениетаралық, лингвомәдени аспектілерімен байланысты: «Этнолингвомәдениеттану», «Орыс тілі және мәдениетаралық коммуникация», «мәдениетаралық коммуникация теориясы мен практикасы».

Кілт сөздер: ым-ишара, бейвербалды қарым-қатынас, ұлттық-мәдени код, дәстүрлер, рәсімдер.

V.D. Narozhnaya¹, N.K. Meirbek², L.S. Kanayeva³

¹Doctor of Philological Sciences, Associate Professor

South Kazakhstan State Pedagogical University

(Kazakhstan, Shymkent), e-mail: vdn_ru@mail.ru

²PhD Doctoral Student of South Kazakhstan State Pedagogical University

(Kazakhstan, Shymkent), e-mail: nur_meyrbek@mail.ru

³Lecturer of South Kazakhstan State Pedagogical University

(Kazakhstan, Shymkent), e-mail: kanayeva_80@mail.ru

Non-verbal Communication as an Indicator of the Cultural and National Specificity of a Literary Text

Abstract. The article is a description of the stylistic function of various means of non-verbal communication in literary texts. The authors objectify the idea that the mutual understanding of representatives of different ethnic groups involves both the acquisition of languages and the awareness of cultural national codes that inform about native speakers and about the special ways of intercultural communication that are available. The scientific and practical significance of the study lies in the fact that the identification of national and cultural stereotypes of the mentality of ethnic groups in the modern globalized space is a socio-political, economic, psychological and historical factor in the formation of a nation as a linguistic community. The research methodology is based on a comparative analysis of Kazakh, Russian and non-linguistic forms of communication, the identification of full, partial equivalents in the compared languages and the analysis of non-equivalent gestures, facial expressions, signs of non-verbal communication.

The value of the study is determined by the understanding that non-verbal forms of communication capture and reflect the social and cultural experience of the linguocultural community, are reflected both in the universal, common for all mankind, and in the unique, national-cultural, picture of the world, characterize the common and peripheral core, reflecting the national and cultural specifics of the Kazakh and Russian philosophical worldview and showing a unique perception of the surrounding reality. The practical significance of the results of the work is determined by the possibility of introducing this material into the teaching of disciplines of postgraduate education (master's and doctoral studies), which are associated with cognitive, intercultural, linguoculturological aspects of language learning: «Ethnolinguoculturology», «Russian language and intercultural communication», «Theory and practice of intercultural communication».

Keywords: gestures, facial expressions, non-verbal communication, national and cultural code, traditions, rituals.

Введение

Исследуемый материал, характеризующий системный способ описания стилистической функции неречевой коммуникации в художественных произведениях разных народов, раскрывающих культурно-национальные особенности, является актуальным и своевременным. Такой подход к осмыслению различных невербальных форм общения позволяет рассматривать эти формы как культурные национальные коды, выполняющие функцию передачи существенной информации и ориентирования читателя не только на восприятие языка произведения, но и расширение существенных знаний о его носителях. Под «культурным национальным кодом» подразумевается «сетка, которую культура набрасывает на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [1, с. 164], т.е. такая система знаков/символов культуры, которые способны не только отождествлять индивида по его национальной принадлежности, но и характеризовать его образ действий, поступки. Это своеобразный набор стереотипов, клише, полученных в наследство от дедов и прадедов, это самобытность народа, определенное культурное поведение.

Проведение лингвистического изыскания на материале текстов казахских и английских литературных произведений, переведенных на русский язык, обуславливается тем, что художественный текст, будучи специфическим явлением национальной культуры, является чрезвычайно интересным для освоения языковой картины мира. Внутри же этого кода используются специфические знаки (вербальные и невербальные), информирующие о самобытности созданного автором художественного произведения. В связи с тем, что культурный код можно осознавать доминирующим элементом культуры, его рассмотрение применительно к знаковому общению позволит по-новому интерпретировать важнейшие аспекты культуры. Созданию схемы культурного кода в пространстве, исследующем знаки и

их системы, способствует материал художественных текстов, которые сами по себе уже являются культурным кодом, особой, значимой культурной моделью. Интерес к выбранной теме связан с тем, что проблемы межкультурной коммуникации, национальной-культурной специфики вербального и невербального общения всесторонне рассматриваются в последние годы не только в теоретическом аспекте [2; 3]. На смену знаниецентрической школе в XXI в. приходит школа культуроцентрическая, целью которой является усвоение обучающимися ценностей культуры, постижение основных типов сознания человека, отражающих этапы его духовного развития. Культурологический аспект в преподавании предполагает умение вычленять в разностилевых текстах национально и регионально значимые лексемы, анализировать их и определять стилистическую функцию, использовать национальные и универсальные формы речевого этикета, формировать межкультурные компетенции, что также отражено в ряде значимых публикаций [4; 5].

Исследование отдельных форм неречевой коммуникации в статье связано с характеристикой таких оборотов речи, которые обозначают жесты, мимику, знаки, отражающие традиции народа, его быт и культуру. Примечательно, что указанное явление характерно как для русского, так и для казахского языков, а потому представляет научный интерес их рассмотрение в языке-оригинале и в трансформированном тексте-переводе.

Выбор темы исследования обоснован тем, что изучение невербальных средств коммуникации является одним из приоритетных направлений современной лингвистики. Знаковые средства общения являются, кроме того, важным показателем культурно-национальной специфики художественных произведений, позволяющих адекватному восприятию текста, осмыслению национальных обычаев, традиций народа. В связи с этим целью нашего исследования является выявление и описание общекультурных и специфических, национальных, знаков невербального общения, отраженных в художественном произведении через культурно-национальные коды, которые у различных этносов проявляются на различном невербальном семиотическом поле.

Методы исследования

Важнейшим объектом лингвокультурологического анализа являются тексты художественной литературы, которые выполняют не только познавательную, коммуникативную и воспитательную функции, но и являются ярким отражением окружающей действительности, средством передачи национального колорита, быта, поведения действующих лиц художественного повествования.

Исходя из поставленной цели и заявленных задач исследования, требующих освещения, нами была разработана комплексная методика и использованы методы наблюдения, обобщения, аналогии, частные методы компонентного, семанного, контрастивного анализа, методы лингвистического интервьюирования и анкетирования, сочетание которых позволило максимально полно представить невербальную национальную картину мира, описывающую реальную действительность, быт, трудовую деятельность народов и отражающуюся в текстах художественной литературы.

На всех этапах полевых исследований, связанных с выявлением национальных особенностей неязыковой коммуникации в полилингвальной студенческой аудитории, а также в текстах казахской и русской художественной литературы, нами использовался метод наблюдения и фиксации таких форм невербальной коммуникации у представителей разных лингвокультурных сообществ, которые несут в себе особую информационную значимость, связанную с национальной спецификой культуры, оказывают значительное влияние на личность, способствуют ее социализации и имеют широкие воспитательные возможности.

Описательно-семантический метод использовался при характеристике рассматриваемых форм невербальной коммуникации (кинем, мимем, проксем, поз и др.) в текстах художественной литературы, при попытке объяснения причин их несовпадений у

представителей разных лингвокультурных сообществ – казахо- и русскоязычных информантов в ходе экспериментального анкетирования.

Метод экспериментального анкетирования/тестирования использовался нами в процессе проведения полевых исследований, в ходе которых информантам разных этнических сообществ предлагалось

- ответить на ряд вопросов, связанных со знанием того или иного жеста;
- указать на понимание/непонимание невербальных средств общения неродной культуры;
- выбрать из предлагаемых вариантов ответов более предпочтительный;
- привести эквивалентную русскую невербальную форму (если анкета на казахском языке) и казахскую, если анкета на русском языке;
- предложить свой вариант ответа, если он есть.

Сравнительно-сопоставительным методом определялись коррелирующие и специфические средства невербальной коммуникации в сопоставляемых культурах, межкультурные знаки общения и этнокультурные, свойственные в общении только одного этноса; метод аналогии способствовал выявлению общекультурных, общечеловеческих форм невербалики, восходящих к архетипическим слоям языкового сознания человека.

Для анализа конкретных и частных выводов исследования и выявления общих и культурно-национальных, специфических, закономерностей употребления невербальных средств общения в текстах художественной литературы нами использовался метод обобщения.

Анализ и результаты

Человек видит окружающую действительность такой, какой она есть, однако бесспорно, что даже представители одной культуры, носители одного языка осмысливают ее по-разному. Известно, что в любом языке отражаются реалии окружающего мира, при этом, усваивая смысл отдельных слов/явлений, каждый из нас видит этот мир через призму своей национальной культуры, концептуализирует его, вырабатывает свое понимание и видение, соотносимые с родной культурой. Другими словами, под культурно-национальным кодом мы подразумеваем мировоззрение народа, специфику его мироощущения, ментальность, с одной стороны, и неповторимость, индивидуальность этноса, нашедшей яркое отражение в живописи, литературе, народном творчестве, – с другой. Например, в мировоззрении казахов большую роль играет цифра семь, которая часто встречается и в достаточно большом количестве русских пословиц, поговорок и фразеологизмов. В отличие от казахского и русского мировидения, неповторимость национальной английской культуры передает цифра *two* (два). Следовательно, культуру можно характеризовать как «характерный образ мыслей и действий, способ духовного освоения действительности на основе выявления ценностей, воплощаемых в образцах деятельности, передаваемых от поколения к поколению в процессе социализации» [2, с. 28].

Национально-культурная специфика народа находит яркое воплощение в произведениях художественной литературы. Именно текст является важнейшим источником информации: в нем отражается не только объективные, научно обоснованные сведения и знания, но и когнитивные смыслы и понятия, связанные с индивидуальным восприятием мира самого автора. Художественный текст, оказавшись в новом историко-культурном окружении, характеризуется уже иным осмыслением, которое отличает его от начальной формы, свойственной моменту создания произведения. Это говорит о том, что восприятие, осмысление продуктов культуры изменяется от эпохи к эпохе, соответствуя историческому времени. Переживая поколения, тексты закрепляются в истории народа, составляют его культурную сокровищницу. Обращаясь к ним, вступая с ними в диалог, потомки осмысливают их содержание с точки зрения уже своей ментальности, своего восприятия окружающего мира, своей когнитивной оценки реальных событий. Следовательно, благодаря

объективации в художественных текстах не только сохраняются национально-культурные ценности и понятия, но они и постоянно обогащаются новыми смыслами, новыми когнитивными понятиями.

Выразительность художественного текста достигается различными путями, и немаловажную роль при этом играют невербальные средства общения (кинесика, окулесика, гаптика, проксемика, хронемика и др.). Передать специфику кинем, мимем, проксем и т.п. помогают разнообразные ремарки в тексте прозаического произведения или авторские описания, способствующие восприятию незнакомых для читателя жестов. Например, в эпопее М. Ауэзова «Путь Абая» автор невольно подсказывает читателю значение того или иного невербального знака: *грозное движение бровей отца, резко вздернул брови, едва заметное движение век, нахмурился и блеснул глазами, устрашающий взгляд, улыбнулась глазами, грозно поднял руку, резко выбросил вперед руку* и др.

Однако следует всегда помнить, что при осмыслении тех или иных жестов в тексте необходимо учитывать их функционирование в рамках той культуры, которая отражается автором в произведении. Недопонимание, неадекватность восприятия невербального знака может зависеть и от временных различий, в которых находился автор и в которых находится читатель. Сложности прочтения текста и его адекватного восприятия возникают у иностранных читателей, язык и культура которых разительно отличается от культуры, представленной в тексте, с которым они знакомятся.

Ярким подтверждением этому могут служить произведения Ч. Айтматова, в которых «развивается мысль о самобытном мире писателя, где ... отчетливо проявляется мощное влияние киргизского национального фольклора» [6, с. 106]. Например, в его повести «Материнское поле» носителю русской культуры могут быть непонятными строчки, раскрывающие специфику национальной культуры, свойственной народам Средней Азии: *«В белом свежестыранном платье, в темном стеганом бешимете, повязанная белым платком, она медленно шла по тропе среди жнивья»*. В день поминовения Толгонай, прожившая долгую и тяжелую жизнь, перенесшая голод и войну, гибель мужа и сыновей, одетая в белое платье, идет к родному полю, свидетелю всех ее радостей и печалей, чтобы поговорить с ним, поведать ему свою боль.

В представлении русского человека с женщиной преклонного возраста ассоциируется темная, неброская одежда, чаще коричневого цвета, который, по мнению А.П. Василевича, олицетворяет бедность, «символ, идущий от очевидных ассоциаций с неплодородной, глинистой почвой» [7, с. 270]. Коричневый цвет в русской языковой картине мира соотносится и с темной землей, на которой выращивался хлеб. Белый цвет во многих культурах соотносится с трауром, печалью, безысходным горем, однако у кочевых народов он символизирует и очищение, т.е. выход женщины из продуцирующего возраста. Следовательно, в данном контексте белое платье и белый кимешек можно считать невербальной характеристики главной героини повести Ч. Айтматова, которая заслужила уважение, почитание, преклонение перед ее мудростью и святостью.

Рассмотрим употребление отдельных коммуникативных жестов, которые, по классификации Г.Е. Крейдлина, подразделяются на «общекоммуникативные/нейтральные, дейктические/указательные и этикетные» [8, с. 194]. Сопоставим наиболее распространенные общекоммуникативные жесты, принятые в общении на юге Казахстана, в русском и казахском употреблении. В общении русскоязычных представителей к жестам, связанным с движением головой, относятся следующие жесты, которые выражают разное значение в определенных ситуациях:

- качать головой (справа налево или наоборот):

1) сомнение, недоверие к словам собеседника: *Нет, не может быть!* – покачал Михаил головой. – *Не может быть, чтобы в такую сушь рожь сеяли* (Ф. Абрамов. Дом);

2) недовольство, осуждение, критическое отношение к кому-либо или чему-либо: *Я вот все думаю и думаю, и так плохо мне становится, ну, хоть кричи! И зачем все это! – Старик покачал головой. Как все изменилось, как быстро испортились люди* (В. Шукшин. В профиль и анфас);

3) сочувствие к собеседнику, к его словам или действиям: *Проводив глазами махонькую внучку, бабушка покачала головой и протяжно вздохнула* (В. Астафьев. Последний поклон).

Жест качать /покачать, покачивать, мотать, помотать, крутить/ головой передает отрицание, отказ, несогласие с мнением собеседника, а также удивление, восхищение: *Отец Феропонт отрицательно мотнул головой: Нет! Нельзя говорить про него, что не было в нем сребролюбия...* (В. Короленко. Глушь).

Удивление, сомнение, смущение, вопрос в русском общении передаются при помощи жеста *склонить голову*, а согласие, благодарность означает *кивок головой/кивнуть головой*, это и жест приветствия или прощания: *Павел Мансуров мягкой, неспешной походкой ходил по фойе, кивал знакомым, заводил разговоры* (В. Гендряков. Тугой узел).

В казахском языке такая группа жестов выражена кинемами *бас изеу, бас шұлғу, бас шайқау* [9, с. 48]. Это универсальные жесты, они совпадают с аналогичными европейскими жестами:

- *бас изеу* (кивнуть головой) – жест, выражающий согласие, одобрение: *Абай, соглашаясь, кивал головой, будто говорил, что это правда* (М. Ауэзов. Путь Абая);

- *бас шұлғу* (многократное кивание головой вперед-назад) – выражение согласия, одобрения, подтверждения: *Абиш, слушая с большим вниманием, соглашаясь с ним, многократно кивал головой* (М. Ауэзов. Путь Абая);

- *бас шайқау* (покачать головой) – удивление, изумление, сокрушение, отказ, несогласие: *Эх, сынок, сынок! Сокрушенно покачал головой Жумаке. – Что ж, доброй тебе дороги* (С. Муканов. Школа жизни).

Анализ жестов, распространенных на территории южного региона Казахстана, показал, что одни жесты являются общеупотребительными в общении представителей различных этносов, другие свойственны невербальному общению только представителям казахского народа, так как они отражают его национальный быт, традиции и обряды, позволяют считывать национально-культурный код. Такое многообразие коммуникативных жестов позволило нам разделить их на универсальные (общенациональные) и этнографические (культурно-национальные).

К универсальным жестам можно отнести кинемы *қол көтеру – поднять руку* (во всех значениях: *просить слова, остановить машину, привлечь к себе внимание, голосовать на собрании*), а также такие, которые являются многозначными и их смысл соотносится с определенной ситуацией общения:

- *қолын бірақ сілмеді, қол сілікті, қол сермеді* (махнуть рукой, отмахнуться): жест неодобрения, неудовольствия, отрицательного значения по отношению к кому-либо или чему-либо;

- *қос қолын төбесіне көтеру* (поднимать обе руки над головой с открытыми ладонями, обращенными вперед): а) сдаваться; прекратив сопротивление, признать себя побежденным; б) уступить под влиянием кого-/чего-нибудь;

- *иығын көтеру* (приподнять плечи, пожать плечами): жест удивления, недоумения;

- *бас бармағын көрсету, бас бармағын шошайту* (показать большой палец): все хорошо, все нравится; очень хорошо.

Универсальность таких жестов заключается в их широком употреблении как в текстах русской художественной литературы, так и в казахской. Такие кинемы не вызывают затруднений в понимании русско- и казахоязычных читателей. Наибольшее внимание требуют к себе этнографические жесты, которые не употребляются представителями русской культуры или употребляются очень редко только теми, кто длительное время проживает в

сельской местности и является носителем как русской, так и казахской культур. Такие жесты часто становятся лакунами в текстах художественной литературы, так как отражают национально-культурные коды народа:

- *ортан қолдай* (такой, как средний палец): при исполнении этого жеста показывается направленный вверх средний палец руки, остальные пальцы сжаты. Жест имеет два значения: а) позитивная оценка кого-либо в диалоге; б) сильный, хороший;

- *шынашағын көрсету* (показать мизинец): мизинец правой руки (как правило) поднимается вверх, остальные пальцы сжаты в кулак. Жест употребляется при описании небольшого роста человека: *Такой гигант, в два раза здоровее Битабара. Рост такой, – дежурный показал мизинец. Все засмеялись* (С. Шаймерденов. Птица года).

В казахской невербальной культуре общения встречается немало этнографических жестов, при исполнении которых участвуют руки, пальцы, кулак и которые указывают не только на позитивные отношения, но и на негативные. Например, неприязнь, вражда, злобное отношение к человеку несловесно передают такие жесты, как:

а) обе руки, соприкасаясь, вытянуты (тыльная сторона ладоней вверх), все пальцы, кроме указательных, сжаты. Указательные пальцы направлены вперед;

б) указательные пальцы обеих рук сцеплены у груди в замок [9, с. 66].

К жестам угрозы, выражения гнева, ярости в казахском невербальном общении относятся также жесты, как *жұдырықты жұдырықпен ұру* (букв. бить кулак кулаком); *үстелдің үстін жұдырықпен ұру* (букв. ударить по столу кулаком) и *жұдырық түйу* (показать кулак, поднятый кулак, обращенный тыльной стороной ладони вперед): *Ах, негодник, передразнивать меня вздумал? – Бекен шутливо показал кулак* (С. Муқанов. Школа жизни). Досаду, сожаление, недоразумение передаются жестом *өз алақанын соғу* (букв. ударить ладонь об ладонь).

Национальная специфика невербальной коммуникации ярко проявляется в межкультурном общении, когда одни и те же жесты могут восприниматься в новом, незнакомом и даже противоположном значении. Ярким примером этому может служить жест *санын соғу* (хлопнуть/ударить ладонью по бедру), который в казахской культуре передает значение глубокого сожаления и раскаявания, страдания, а также и чувства гнева [9, с. 43; 10, с. 123–124]. Такие же значения передает синонимичный жест, когда его исполнитель ударяет ладонью одной руки по ладони другой. В русскоязычном употреблении описанный жест выражает как положительные эмоции: а) радость, восторг, б) удивление, легкое недоумение, так и отрицательные – недовольство, возмущение, раздражение [11, с. 107].

У народов, ведущих кочевой образ жизни, большую роль в быту, в трудовой деятельности играла камча. Важно отметить, что камча была и знаком невербальной коммуникации, выражала различные значения в различных ситуациях общения. Например, в казахском языке известны жесты *қамшы қайтару* (возвратить камчу), *қамшымен жерді сабау* (ударять, стегать камчой землю); *ортадағы қамшыны қолға алу* (взять, поднять камчу, лежащую посреди собравшихся кругом участников разговора), *қамшыға таяну* (опираться на камчу), *қамшы үйіру* (вертеть камчой над головой), *қамшы тастау* (бросить камчу в центр собравшихся кругом аульчан).

Рассмотрим ситуации общения, в которых жесты связаны с действиями камчи:

- *қамшы сілтеу* (махнуть камчой/кнутом) – жест безразличия к происходящему, жест превосходства: *Нуртаза расхохотался и махнул плетью. – Открывайте, тоже мне, нашли вора* (С. Жунисов. Ахан сери);

- *қамшысын білемдеу* (трясти камчой) – жест-угроза кому-либо: *Жанибек, будто угрожая кому-то, потряс камчой. – Подождите, вы еще получите по заслугам!* (С. Жунисов. Ахан сери);

- қамшыны алдына тастау (бросить камчу перед собой, перед собеседниками, в центр собравшихся кругом аульчан) – жест, имеющий несколько значений:

а) просить слова: *Помолившись ..., батыр Богембай... бросил перед собой плетъ и повернулся к Аблаю: «О, мой султан, почему не пришли мы на помощь нашим братьям из Большого жуза?»* (И. Есенберлин. Кочевники);

б) вызов, требование чего-либо: *Снова скачи в аулы джалаир и поторопи их.*

– *А если будут молчать?*

– *Вот моя плетъ... Брось им ее тогда и скачи назад!* (И. Есенберлин. Кочевники).

Все перечисленные жесты являются в казахской культуре этнографическими, передающими быт степняков, их обычаи и традиции. В настоящее время эти жесты практически не употребляются и многие коммуниканты их не знают, о чем свидетельствуют данные проведенного нами анкетирования. Так, из 80 студентов-респондентов Южно-Казахстанского государственного педагогического университета только один студент показал, что он видел этот жест во время собрания на дачном массиве. Чабан, приехавший из отдаленного от центра Сузакского района, таким жестом изъявил свое желание объяснить ситуацию с домашней отарой овец и коз, которые разгуливали по чужим участкам. Когда он бросил камчу в центр круга собравшихся дачников, это вызвало возмущение с их стороны, так как они восприняли жест как грубый вызов чабана, его несогласие с мнением собрания. Потребовалось какое-то время, чтобы разъяснить ситуацию и прийти к мирным переговорам.

Определенную роль в жизни кочевых народов играл посох. В эпосе М. Ауэзова «Путь Абая» посох выполняет роль невербального знака, употребляющегося в ситуации похоронного обряда Божея и сына Абая Магаша:

- *Абай... различил около тридцати мужчин, стоявших за белой юртой; они согнулись и плакали, опираясь обеими руками на белые посохи, Это были родичи Божея, приготовившиеся к встрече гостей* (М. Ауэзов. Путь Абая. Т.1, с. 192);

- *Первые три дня среди длинного ряда плакальчиков, опирающихся на белые посохи, находился и Абай, которого с двух сторон поддерживали Дармен и Какитай* (М. Ауэзов. Путь Абая. Т. 2, с. 715).

По мусульманскому обряду, родственники умершего подпоясывались платками или ситцевыми кушаками и в соответствии с возрастом и положением в семейной иерархии становились у траурной юрты для встречи соболезнующих. Все они опирались на белые посохи, сгибаясь под непосильным бременем горя, поочередно обнимались с каждым гостем, обменивались траурными приветствиями.

Как показали результаты проведенного нами опроса, значение отдельных общеупотребительных жестов может изменять свое значение в определенных ситуациях. Например, в казахском общении широко распространен жест приветствия *кәрісу*, при исполнении которого младший по возрасту коммуникант протягивает обе руки старшему. Старший в ответ заключает руки приветствующего в свои, обхватывая их с наружной стороны. Этот жест становится ритуализованным в ситуации выражения соболезнования близким родственникам умершего пожилого человека. В такой ситуации первым протягивает руки старший младшему, выражая этим не только соболезнование, но и глубокое почтение умершему через его сына.

Специфику казахской культуры отражает жест *оң бата беру* – молитвенное напутствие, благословение, выражение одобрения, которое совершалось перед угощением или после него, при начале или окончании сговора, решении какого-либо важного дела:

- *Обращаясь к гостям, Кунанбай указал на приготовленную еду: «Кушайте, поднимайте чаики!» Он совершил молитву, проводя сверху вниз ладонями по лицу* (М. Ауэзов. Путь Абая. Т.1, с. 114).

В другой ситуации этот жест имел другое значение: пожелание удачи, счастливой дороги, напутствие родителей детям. Сравним, в русской культуре широко

распространенный жест прощания-напутствия – присесть на дорожку. «Во время исполнения данного жеста человек погружается в себя, не воспринимает окружающего, не чувствует суеты, внимания со стороны провожающих, которые, концентрируя свои мысли, хотели бы сделать путешествие безопасным и благополучным. Изначально данный жест предполагал чтение молитвы» [12, с. 125].

Этнографическим является противоположный рассмотренному жесту знак *теріс бата беру*, который исполняется редко, имеет отрицательное значение, так как означает проклятье, невербально желает несчастья. Исполнитель этого жеста «ладони поворачивает вниз и их тыльной стороной проводит по лицу от висков к бороде» [6, с. 84]. Следовательно, жест *теріс бата беру* противопоставляется жесту *бата беру* не только по значению (проклятье – благословение), но и по его исполнению:

- *Кунанбай вытянул обе руки ладонями вперед, обратив их к Абаю и Амиру... Потом старик провел тыльной стороной рук по лицу – так обращаются к богу с мольбой об исполнении злого намерения* (М. Ауэзов. Путь Абая. Т.1, с. 565).

Жест играет большую роль в тексте повествования: он не только передает культурно-национальную специфику коммуникации, но и раскрывает жестокий характер, твердость решения его исполнителя – Кунанбая. Не каждый осмелится совершить его и прочесть молитву проклятия своих детей и внуков. Об этом красноречиво говорят слова Нурганым и Изгутты, понимающих сложность ситуации:

- *Боже, не прими мольбы его! О горе! Он проклинает детей своих! – повторяли они в страхе* (М. Ауэзов. Путь Абая. Т.1, с. 565).

Б.К. Момынова и С.Б. Бейсембаева, описывая подобные ситуации общения, говорят о таких жестах, как:

- *қол жаю*: жест производится во время чтения молитвы (тот, кто его исполняет, держит руки на уровне груди, раскрыв и повернув ладони вверх);

- *қолды теріс жаю*: жест проклятия (руки удерживаются на уровне груди, ладони повернуты вниз) [10, с. 85, с. 87]:

- *Мулла положил серебряный рубль в карман, раскрыл ладони, прочитал про себя молитву, затем провел ладонями по лицу* (С. Муканов. Школа жизни);

- *Если кто-нибудь из вас поедет с ним в качестве друга, то я, повернув ладони тыльной стороной, прокляну, – сказал Базарбай* (Кыз Жибек).

Отмечая национальную специфику общения, его культурную самобытность, казахский писатель, переводчик Г. Бельгер замечал, что каждый этнос характеризуется своей ментальностью, мироощущением и мировосприятием: «Казаху не свойственны точность, четкость в европейском понимании. Он предпочитает речи иносказательные, завуалированные, метафорические, с намеками, с красочными образами, витиеватые...» [13, с. 156]. Он ценит сегодняшний день, но не забывает предков в семь поколений, свято почитает их, уважает традиции.

С народным календарем, с трудовой деятельностью, бытом связаны многие пространственные и временные отношения у многих народов. Например, в казахском языке отмечается целый ряд устойчивых словосочетаний, обозначающих определенное время и пространство в разных сферах деятельности:

- *животноводство: бие сауым уақыт* (досл.: здоровое время): время доения кобылы; *қозы жамыраган кез*: время кормления ягнят; *қой қоралаған мезгіл*: время загона овец; *қозы алып болған кез, бие байлаған уақыт*: промежуток времени, чтобы привязать лошадей и др.; *қозының аяғы, қозы-көш* (досл.: ягнячий перегон): расстояние в пять–шесть километров, которое необходимо для перегона ягнат без остановки; *ат шаптырым жер* (досл.: верховая езда): расстояние, которое преодолевает скакун без остановки на отдых;

- быт: *шай қайнатым* (кипение чая), *сүт пісірім* (кипение молока), *ет асым* (время приготовления мяса).

Следует отметить, что для обозначения протяженности расстояния использовались разные ассоциации. Для небольшого расстояния – отвлеченные понятия: *бір аттам* – ‘один скак на стригунке’; *таяқ тастам, дауыс жетер жер* – ‘расстояние одного окрика’; *бөрік тастам жер* – ‘расстояние одного броска шапки’; *құлаш жетер жер, қамшыдай қашықтық* – ‘расстояние брошенной палки или камчи’; *қамшы тастау жер* – ‘бросок камчи’; *таяқ тастам жер* – ‘бросок палки’; *қарыс аттам жер* – ‘пядь – 18–20 см’; *құлаш жетер* – ‘сажень – 176 см’; *арқан ұзындығындай* – ‘длина аркана’; *арқан ұзындығындай* – ‘дальше, длиннее, чем расстояние брошенной палки’. Показателем дальнего расстояния служили описательные обороты *екі немесе үш сапар уақыты* – ‘время двух–трех кочевок’; *екі-үш күндік жол* – ‘два–три дневного пути’.

В русской культуре также отмечаются слова и словосочетания, обозначающие расстояние и связанные с национальным мироощущением и мироотражением:

- названия предметов быта: *весло, косьё, косьевище, топорище*;
- название приспособлений и орудий труда: *батог, кол, палка, веревка, ужище, шест*;
- название частей построек: *стена, столб (столбик), прошесть (просесть)*;
- приемы, способы измерения: *гон (гоня, гони), леха, огнище, волок, окрик, перестрел (стреловище, перестрелище, стрелище, стрелбище), метавище, вержение (бросок камня)*;
- временные понятия: *день (днище), вода (чемкос, чумкас)*;
- описательные понятия: *на какое расстояние может выстрелить опытный стрелок, перестрел опытного стрелка, как камнем кидать, как в примету стрелять, день хода, день пешего пути* и т.п.

Такие ассоциативные понятия обозначения расстояния и времени связаны у различных народов с их трудовой деятельностью, с особенностями менталитета. Протяженность, расстояние от одного объекта до другого в степи часто определялись по длине пробега на байге – спортивных конных состязаниях: 5 км – бег жеребенка, 8–10 км – бег двухлетка, 20–35 км – бег выносливого коня [3, с. 216]. Северные народности небольшое, недлительное время определяют временем сгорания бересты, а башкиры – промежутком времени, за которое выпивается чашка чая; большой промежуток, равный нескольким годам, народности ханты и манси соотносят с фразой, в которой указывается количество зим, которые сменились летом, а башкиры – со временем, необходимым для доведения до кипения двухведерного самовара [14, с. 145]. О значимости домашних животных в жизни скотоводов говорит тот факт, что для обозначения времени используется выражение *бие сауым* – т.е. время, соотносимое с промежутком от одной дойки кобылицы до другой, но нет обозначения времени *сыыр сауым, ешкі сауым*, ассоциирующихся с дойкой коровы и козы. Очевидно, это объясняется тем, что основным напитком в жизни многих кочевых народов был кумыс, который готовился из молока кобылицы.

Сопоставительный анализ народной метрологической системы русского и казахского языков показывает, что многие лексико-семантические понятия совпадают, обозначают эквивалентные или близкие значения, так как отражают трудовую деятельность и мировосприятие народов (см. Таблица 1).

Таблица 1 – Способы выражения расстояния в разных культурах

Казахская культура	Русская культура
<i>таяқ тастам жер</i> – ‘бросок палки’; <i>қамшы тастам жер</i> – ‘бросок камчи’; <i>бөрік тастам жер</i> – ‘расстояние одного броска шапки’.	<i>перестрел</i> – расстояние, на которое пролетает стрела (60–70 м); <i>метавище</i> – расстояние, на которое пролетает брошенный камень (40–43 м).
<i>таяқ тастам, дауыс жетер жер</i> – ‘расстояние одного окрика’.	<i>окрик</i> – расстояние, соотносимое с такой меры длины, на которую отчетливо слышен громкий крик; <i>видок, видки</i> – расстояние, на которое можно различать окружающие предметы.
<i>қозының аяғы, қозы-қош</i> – ягнячий перегон; <i>ат шаптырым жер</i> – езда верхом.	<i>день пути пеший</i> – 25 километров; <i>день пути конный</i> – 50–75 километров.

Такие отвлеченные обозначения времени и пространства хорошо известны и в настоящее время, их достаточно часто можно встретить в произведениях художественной литературы. Например, показывая многочисленность и обширность аулов Кунанбая, Мухтар Ауэзов сравнивает их с *семью перегонами* (Путь Абая. Т. 1, с. 67); силу, выносливость скакуна автор соотносит с быстрым преодолением им *одного перегона* (Путь Абая. Т. 1, с. 382), красота голоса девушки, его необычайная звучность и мелодичность передаются в романе при помощи описательного оборота *қозы-қош*:

- *Отсюда до них целый козы-кош, а песню все еще слышно!* – восхищенно сказал Ербол. – *Вот это голос!* (Путь Абая. Т. 1, с. 436).

Возвращаясь домой, предвкушая теплоту встречи с детьми, Абай отказался остановиться на отдых, так как до родного аула осталось не более *ягнечьего перегона* (Путь Абая. Т.1, с. 637), то есть, небольшое расстояние. Более дальнее расстояние, чем ягнячий перегон, измерялось бегом стригуна:

- *Все семеро незаметно отделились от толпы и повернули к могиле Конгирбая, находившейся на расстоянии бега стригуна* (М. Ауэзов. Путь Абая. Т. 2, с. 43).

- *Теперь в долине, на расстоянии бега стригуна, он насчитал ... пятнадцать аулов, остановившихся неподалеку друг от друга* [Путь Абая. Т. 1, с. 97].

В анализируемом романе М. Ауэзова «Путь Абая» мы отметили наличие таких невербальных знаков, которые ярко и наглядно показывают читателю специфику казахской культуры, объясняют их значение и ситуацию использования. Например, долгое время в казахском общении использовался невербальный знак *почта с пером* – *қаламмен хат* (срочная почта). Чтобы донести весть о срочности и важности сообщения до населения аулов, к шапке нарочного или к дуге лошадиной упряжки прикреплялись связанные в пучок перья филина:

- *Майор ... выслал вперед «почту с пером»*. (Путь Абая. Т. 1, с. 215).

- *Казанцев выслал в аул... почту с пером!* (Путь Абая. Т. 2, с. 97).

В жизни степняков-кочевников домашний скот имел важнейшее значение, с ним было связано благополучие народа. Не только особенности окружающей природы и рельефа выполняли информационную функцию, но и животные передавали то или иное значение. Например, в романе «Путь Абая» нами отмечена такая функция несловесных знаков коммуникации, как указание на казахские этнонимы, с помощью которых определялась принадлежность к племенам или родам. Кони с *круглым тавром* указывают на принадлежность к роду Аргыза и Бошана, клеймо *седло быка* символизирует принадлежность к старейшему роду Кереев, тавро *поварешка* – к роду Наймана, буква

арабского алфавита *шии* невербально информирует о принадлежности коней тюре, знатным и почитаемым лицам.

В культуре многих народов символическое обозначение цвета как знака невербальной коммуникации указывает на дополнительную информацию, имеющую национальную специфику. Одним из таких примеров в романе М. Ауэзова является описание масти, окраса домашнего скота, предназначенного для исполнения ритуала жертвоприношения. Перед выборами волостного *Шубар ... заколол для аткаминенеров көк-қасқа – серую кобылицу с отметиной на лбу* (Путь Абая. Т. 2, с. 37].

Первоначально такой невербальный знак имел значение подтверждения клятвы в исполнении важного, значимого дела, события, когда перед его началом приносили в жертву серую кобылицу со звездой на лбу. Позже у этого знака развилось второе значение – верность общему делу, сплоченность, единомыслие.

Однако в ситуации, когда по непредвиденным обстоятельствам приходилось отказываться от клятвы над *көк-қасқа*, совершался еще один ритуал: в качестве жертвенного животного выступал *ақ-сарбас* (белый баран). Клятва над ним отменяла первую клятву:

- *На зимовье Жиренше они еще раз подтвердили свою клятву, зарезав белого жертвенного барана – ақ-сарбаса, чтобы очиститься от греха нарушения первой клятвы, данной над көк-қасқа в доме Оспана* (Путь Абая. Т. 2, с. 44].

Заклучение

В современных лингвистических изысканиях особая роль отводится национально-культурной стороне общения в неоднородной гомогенной среде. Не вызывает сомнения тот факт, что процесс межкультурной коммуникации, как речевой, так и неречевой, соотносится со своеобразной формой деятельности, предполагающей осмысление материальной и духовной культуры другого народа, его мировидения и мироощущения. Именно такие установки связаны с пониманием культурно-национального кода, часто непонятного и требующего комментария как в устной форме общения, так и в письменной – в текстах художественной литературы. Невербальное общение в межкультурной коммуникации – это телодвижения, тактильные контакты, мимика, пространство и т.п., которые, сопровождая речевое высказывание, несут дополнительную информацию, непосредственно связаны с конкретной коммуникативной ситуацией, выполняют разнообразные функции и выражают определенную семантику. Важно отметить, что национально-культурная маркированность невербальных средств и знаков общения объясняется их неразрывной связью с важнейшими константами национальной культуры, отражающими социальное положение коммуникантов, их статус, возраст, гендер, а также сохранением в невербальных средствах общения архетипических представлений о связях человека с окружающей действительностью, верой в культ животных, культ слова, культ явлений природы. Такое тесное сочетание и отражение культуры в языке способно обеспечить эффективное и плодотворное общение как на вербальном, так и на невербальном уровнях, позволяет считывать национальный код в тексте художественного произведения, являющегося зеркальным отражением ментальности народа.

В культуре межличностного общения каждого народа отражается богатый опыт национального своеобразия, неповторимость обычаев, обрядов, жизни, условий быта. Являясь средствами межкультурного общения, они соотносят компоненты различных культур, выделяют инвариантную и вариантную части, и не только иллюстрируют речь коммуниканта, но и часто заменяют ее. Ярким примером этому служит казахская культура, имеющая свою словесную и невербальную систему и позволяющая ее носителям общаться как в рамках своей, родной культуры, так и за ее пределами. Культурно-национальное своеобразие речевого и неречевого общения представителей коренного этноса Республики Казахстан отражается через национальные коды, которые не только интерпретируют ментальность народа, но и отражают самобытность и уникальность его внутренней культуры, указывают на морально-этические нормы народа.

Следовательно, богатейшая казахская невербальная система, органически вливаясь в русский текст романа М. Ауэзова «Путь Абая», выражает очевидные реалии, не свойственные русскому общению, и информирует читателя о богатейшем культурно-национальном своеобразии казахского этноса, раскрывает те стороны жизни народа, без которых невозможно достичь полного понимания романа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж., Смагулова Ж.С., Аканова Д.Х. Әлеуметтік лингвистика терминдерінің сөздігі. Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. Э.Д. Сулейменова. – Изд. 2-е. доп. и перераб. – Алматы: Қазақ университеті, 2020. – 400 с.
2. Кочетков В.В. Психология межкультурных различий. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 416 с.
3. Сейдимбек А. Мир казахов. Этнокультурологическое переосмысление. – Астана: Фолиант, 2012. – 560 с.
4. Mikhailova T., Duisekova K., Orazakynkyzy F., Beysembaeva G., Issabekova S. The evaluation of intercultural professional technology-based communicative competence formation for students // World Journal on Educational Technology: Current Issues. – 2021. – №13(2). – P. 272–287. <https://doi.org/10.18844/wjet.v13i2.5700>
5. Meirbek N., Narozhnaya V., Shingareva M., Kozhakhmetova S., Kanayeva L., Zhorabekova A. Formation of intercultural competencies in language classes at the university // Cypriot Journal of Educational Sciences. – 2022. – №17(8). – P. 2646–2657. <https://doi.org/10.18844/cjes.v17i8.7821>
6. Бахтикиреева У.М. Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения): Монография. – Астана: Издательство «ЦБОиМИ», 2009. – 259 с.
7. Василевич А.П. Бурый и коричневый. История сосуществования и борьбы // Язык. Сознание. Культура: Сб. статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. – М.–Калуга: Эйдос, 2005. – С. 270–284.
8. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М.: НЛЮ, 2004. – 581 с.
9. Татубаев С.С. Жесты как компонент искусства. – Алма-Ата: Казахстан, 1979. – 112 с.
10. Момынова Б.К., Бейсембаева С.Б. Казахско-русский толковый словарь мимики и жестов в казахском языке. – Алматы: Қазақ университеті, 2003. – 136 с.
11. Акишина А.А., Кано Х., Акишина Т.Е. Жесты и мимика в русской речи: Лингвострановедческий словарь. – М.: Либроком, 2017. – 148 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://for-kidsandmum.ru/produce/a-a-akishina-kh-kano-t-e-akishina-zhesty-i-mimika-v-russkoj-rechi-lingvostranovedcheskij-slovar/>
12. Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. – М.–Вена: ЯРК, 2001. – 254 с.
13. Бельгер Г. Гармония духа. – М.: Русская книга, 2003. – 288 с.
14. Лебединская В.Г. Наименования древних способов измерения у разных народов // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2014. – №2. – С. 144–147.

REFERENCES

1. Suleimenova E.D., Shaimerdenova N.J., Smagulova J.S., Akanova D.H. Aleumettik lingvistika terminderinin sozdigi. Slovar sociolingvisticheskikh terminov [Dictionary of sociolinguistic terms] / Отв. ред. E.D. Suleimenova. – Izd. 2-e. dop. i pererab. – Almaty: Qazaq universiteti, 2020. – 400 s. [in Kazakh/Russian]
2. Kochetkov V.V. Psihologiya mejkulturnyh razlichiy [Psychology of intercultural differences]. – M.: PER SE, 2002. – 416 s. [in Russian]
3. Seidimbek A. Mir kazahov. Etnokulturologicheskoe pereosmyslenie [Kazakh world. Ethnocultural rethinking]. – Astana: Foliant, 2012. – 560 s. [in Russian]
4. Mikhailova T., Duisekova K., Orazakynkyzy F., Beysembaeva G., Issabekova S. The evaluation of intercultural professional technology-based communicative competence formation for students // World

- Journal on Educational Technology: Current Issues. – 2021. – №13(2). – P. 272–287. <https://doi.org/10.18844/wjet.v13i2.5700>
5. Meirbek N., Narozhnaya V., Shingareva M., Kozhakhmetova S., Kanayeva L., Zhorabekova A. Formation of intercultural competencies in language classes at the university // *Cypriot Journal of Educational Sciences*. – 2022. – №17(8). – P. 2646–2657. <https://doi.org/10.18844/cjes.v17i8.7821>
 6. Bahtikireeva U.M. *Tvorcheskaia bilingvalnaia lichnost (osobnosti russkogo teksta avtora tiurkskogo proishojdeniia): Monografiia [Creative bilingual personality (features of the Russian text of the author of Turkic origin). Monograph]*. – Astana: Izdatelstvo «CBOiMI», 2009. – 259 s. [in Russian]
 7. Vasilevich A.P. *Buryi i korichnevyi. Istoriia sosushestvovaniia i borby [Brown and brown. History of coexistence and struggle]* // *Iazyk. Soznanie. Kultura: Sb. statei / Pod red. N.V. Ufimcevoi, T.N. Ushakovi*. – M.– Kaluga: Eidos, 2005. – S. 270–284. [in Russian]
 1. Kreidlin G.E. *Neverbalnaia semiotika: Iazyk tela i estestvennyy iazyk [Nonverbal Semiotics: Body Language and Natural Language]*. – M.: NLO, 2004. – 581 s. [in Russian]
 8. Tatubaev S.S. *Jesty kak komponent iskusstva*. – Alma-Ata: Kazakhstan, 1979. – 112 s.
 9. Momynova B.K., Beisembaeva S.B. *Kazahsko-russkiy tolkovyi slovar mimiki i jestov v kazahskom iazyke [Kazakh-Russian dictionary of facial expressions and gestures in the Kazakh language]*. – Almaty: Qazaq universiteti, 2003. – 136 s. [in Kazakh/Russian]
 10. Akishina A.A., Kano H., Akishina T.E. *Jesty i mimika v russkoi rechi: Lingvostranovedcheskiy slovar [Gestures and facial expressions in Russian speech: Linguistic Dictionary]*. – M.: Librokom, 2017. – 148 s. [Electronic resource]. URL: <https://for-kidsandmum.ru/produce/a-a-akishina-kh-kano-t-e-akishina-zhesty-i-mimika-v-russkoj-rechi-lingvostranovedcheskiy-slovar/> [in Russian]
 11. Grigorieva S.A., Grigoriev N.V., Kreidlin G.E. *Slovar iazyka russkih jestov [Russian Sign Language Dictionary]*. – M.–Vena: IaRK, 2001. – 254 s. [in Russian]
 12. Belger G. *Garmoniia duha*. – M.: Russkaia kniga, 2003. – 288 s. [in Russian]
 13. Lebedinskaia V.G. *Naimenovaniia drevnih sposobov izmereniia u raznyh narodov [Names of ancient measurement methods among different peoples]* // *Vestnik Piatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. – 2014. – №2. – S. 144–147. [in Russian]